

Хан Цзянсюэ очнулся — и обнаружил, что сидит прямо на огромной ладони Сянской Девы Зеленых Вод.

Иной раз Хан Цзянсюэ казалось: принявшей человеческий облик Сяньфэй куда больше подошло бы имя Богини реки Ло. Ибо не было на свете лика прекраснее, чем у неё.

Попади сюда смертный, его бы сперва ослепил этот неземной образ, но стоило бы опомниться да разглядеть его целиком — и дар речи отнялся бы от ужаса. Слишком уж невероятными были её размеры.

В древнейшие времена боги вроде Ньювы и Фуси величиной равнялись горам: от их шагов содрогалась твердь, а дыхание пролагало русла рек и морей. Этот грот в толще горы простирался на тысячу чжанов, однако Сянская Дева Зеленых Вод занимала собой добрую половину пещеры. Смоляные волосы уложены в изящную причёску с качающимися шпильками, между бровями красуется хуадянь, а кожа белее свежеевыпавшего снега — красота, не поддающаяся описанию.

Изумрудный шелк полыхал по полу, точно прозрачная озерная гладь. В пещере курились благовония: струйки белого дыма вились в воздухе, окутывая отрешённый лик Сяньфэй, подобный изваянию, высеченному смертными на неприступном утесе.

Всякое творение, превосходящее привычную меру, внушает непостижимый, давящий трепет. К счастью, Хан Цзянсюэ привык к этому с самого детства.

Сянская Дева чуть наклонилась — шпильки в её пышных волосах отозвались тонким хрустальным перезвоном. Алый, покрытый лаком ноготь легко коснулся подбородка Хан Цзянсюэ. В отличие от острых мордочек её котят, кроличий подбородок Цзянсюэ был пухлым и мягким.

— Что молчишь? От радости дар речи потерял? — неторопливо проговорила она, и на её ослепительном лице пролегла едва заметная улыбка.

Великая демоница, прожившая не одну тысячу лет, довела человеческий облик до абсолютного совершенства, но её глаза так и остались кошачьими — с узкими, ледяными вертикальными зрачками. Будь на месте Цзянсюэ любой другой мелкий дух, он от одного такого взгляда лишился бы чувств, но Хан Цзянсюэ с младенчества привык к глазам своей матери.

— Вы правду говорите?! — Хан Цзянсюэ прижал пушистые лапки к груди и вытаращил глаза, едва веря ушам.

С малых лет Хан Цзянсюэ отличался от прочих обитателей демонической горы. Он обожал любовные романы, театральные представления, а пуще всего — сказания о праведной обители мечников, Обители Опавших Персиков.

Хан Цзянсюэ тоже мечтал стать таким — благородным, отважным и бесстрашным мечником!

Карать зло? Я с вами!

Творить добро? Я с вами!

Изгонять демонов? Я с вами!

Хихикая, Хан Цзянсюэ засыпал в обнимку с плюшевым мечником, а просыпался, сжимая его тряпичную голову в зубах.

Вот только остальные демоны лишь насмехались над его несбыточными мечтами: подумывай, мол, глупый кролик, с твоими-то короткими лапками меч в руках удержать?

Маленький Хан Цзянсюэ каждый раз упрямо топал лапкой: «Удержу! Ещё как удержу!»

После чего со всех ног мчался к маме-кошке.

— Мама, а я смогу в этом году спуститься с горы и поступить в Обитель Опавших Персиков, чтобы учиться искусству меча?

— Ты ещё слишком мал.

На следующий год Цзянсюэ спрашивал снова:

— А теперь уже можно?

— Такого кроху, как ты, люди тут же изжарят и съедят в остром соусе.

Ещё через год Хан Цзянсюэ нашёл выход:

— Я бегаю быстрее всех, меня никто не изжарит! Теперь-то можно?

— Тогда нашинкуют и потушат с перцем.

Хан Цзянсюэ озадаченно хлопал ушами:

— Да почему меня всё время хотят съесть с перцем?!

А мама-кошка облизывалась:

— Потому что острое — это вкусно.

Шли годы. Крошка-зайчик вырос... в просто кролика, но так и не получил разрешения покинуть родной дом.

Сбежать тайком не представлялось возможным: дух великой демоницы был настолько силен, что пророй Цзянсюэ хоть восемьдесят нор до самого подземного царства, мама-кошка всё равно с лёгкостью выудила бы его оттуда одной лапой.

Так что Хан Цзянсюэ пришлось обучаться фехтованию самостоятельно, вот только движения его выходили до того потешными, что у прочих демонов это вызывало лишь раскатистый, точно гром, хохот.

В прошлые годы мама-кошка иногда отлучалась — навещала своих старших котят, нашедших себе хозяев среди людей. Однако Цзянсюэ она с собой никогда не брала, заставляя стеречь дом.

И вот теперь, когда она вдруг сама отпускала его на все четыре стороны, Хан Цзянсюэ невольно заподозрил подвох.

— Ты ведь с самого детства мечтал отправиться в Обитель Опавших Персиков и постичь искусство меча? Раньше я не разрешала, потому что ты был мал, но теперь ты вырос. Я даю согласие.

Сянская Дева Зелёных Вод прикрыла рот ладонью и сладко зевонула — похоже, опять клонило в сон. Кошка есть кошка: если из двадцати четырёх часов в сутки не проспит хотя бы шестнадцать, день прожит зря.

Эта вальяжная поза, этот небрежный тон... Неужели правда?!

Хан Цзянсюэ замер в изумлении, а в следующее мгновение подпрыгнул вверх, точно поджаренный:

— Мамочка, правда?! Я правда могу идти?!

— Да. Отправляйся прямо сегодня. Мне и самой скоро пора в путь. В Обители Опавших Персиков к демонам относятся без предвзятости, но если у тебя окажется никудышная одаренность, принять тебя или нет — уже их дело.

Хан Цзянсюэ тут же прижал лапу к груди и с важным видом проговорил:

— Третий брат учил: когда идешь в ученики, нужно обязательно нести с собой хороший чай! Для завязывания нужных связей!

Третий брат часто бывал в людских краях и, возвращаясь, делился житейской мудростью. Больше всего Цзянсюэ запомнил одно: любое трудное дело среди смертных легко улаживается за чашкой хорошего чая да обильной трапезой.

— Твой Третий брат соображает как глупый котёнок, он сам-то мышь поймать не в состоянии, — холодно отрезала Сянская Дева Зеленых Вод. Затем, сменив тон на более строгий, добавила: — Ты впервые отправляешься так далеко. В случае опасности твое демоническое чутье поможет уклониться от беды. Если же случится крайность, капля моей демонической силы, укрытая в твоей духовной жемчужине, сможет защитить тебя один раз. Запомни: помимо того, что нельзя давать сделать из себя жаркое с перцем, ни в коем случае не показывай свой человеческий облик перед теми, кому не доверяешь.

Хан Цзянсюэ задумчиво почесал лапкой ухо:

— Это еще почему?

— В мире смертных полно извращенцев, — хмыкнула Сянская Дева.

Хан Цзянсюэ поразмыслил и уточнил:

— Вы про тех людей, которые уставляются на кошек, даже когда те загребают песок в лотке? Да, они и впрямь странные.

Дева Сян посмотрела на наивного зайчонка, не ведающего о людском коварстве. Да он понятия не имеет, какими бывают настоящие извращенцы! Подглядывать за кошачьими делами — это еще цветочки! Решив не вдаваться в подробности, Сянская Дева категорично отрезала:

— Никаких показов! И смотри у меня, не вздумай мыться вместе с людьми. Откуда только у тебя эта дурацкая привычка — чуть намокнешь в горячей воде, сразу принимаешь человеческий облик?

Хан Цзянсюэ лишь смущенно хихикнул в ответ — он и сам не знал, почему так выходит.

Закончив с наставлениями, Дева Сян, подобно любому родителю, уставшему от неумного чада, принялась выпроваживать кролика за дверь.

— Да я же только собираюсь! — упрямылся Цзянсюэ, скача по пещере и пакуя вещи. — Вот этот деревянный мечек сам вырезал, пригодится! А этот наряд мечника, как на картинке в книжке, непременно надо взять... И старого плюшевого мечника не забыть! Хм, может, и горшок с цветами прихватить?..

Он мог собираться до самого Нового года.

— Развозился тут! Живо на выход! — потеряв терпение, Дева Сян взмахнула рукой, и порыв свежего ветра подхватил Хан Цзянсюэ, вынеся его прочь из пещеры.

Следом за ним из грота полетели узелки с лакомствами, вяленой рыбкой и кошелек, туго набитый духовными жемчужинами.

Но Хан Цзянсюэ забыл о самом главном!

— А как же поцелуй на прощание?! — в панике закружился волчком кролик.

В пещере царил тишина. Однако секунду спустя очередной порыв легкого бриза втянул его обратно.

Мягкий пушистый кролик звонко чмокнул Деву Сян в щеку — вот теперь действительно пора.

Подхватив увесистые тюки, Хан Цзянсюэ отвесил три глубоких земных наклона перед входом и, отчаянно махая лапкой, закричал во весь голос:

— Мамочка-а-а! Я вернусь великим и могучим мечником-небожителем!

Из пещеры не донеслось ни звука — то ли Дева Сян не захотела отвечать, то ли уже уснула. Сентиментальность ей была чужда.

Демоны есть демоны: даже обретя человеческий облик, они верны своей природе. Вырос — добывая пропитание сам, рой собственную нору, отвоевывай земли. Сам терпи нужду, сам переноси холод — только так можно стать великим и сильным духом.

Хан Цзянсюэ всё это отлично понимал. Твердо решив добиться успеха, он взвалил на плечи узелки и шаг за шагом начал спускаться с горы. Встречая по пути знакомых духов, он радостно кричал:

— Я иду в Обитель Опавших Персиков учиться фехтованию!

Духи сперва изумленно охали, а затем, словно заботливые родственники, сующие монетку на прощание, с улыбкой дарили ему духовные жемчужины:

— Надо же! Младший из выводка Сяньфэй отправляется в дальний путь! Доброй дороги, малыш, и не забудь присылать весточку!

Хан Цзянсюэ высоко подпрыгивал, хлопая лапкой по лапам медведей-оборотней, лисиц и прочей лесной братии, после чего со всех ног мчался дальше. Мягкие кроличьи ушки трепетали на ветру, в котором эхом отзывались напутственные пожелания.

Лишь сбегая с горы, Хан Цзянсюэ вдруг задумчиво наострил уши: «А почему в маминой пещере кроме неё больше никого не было? Она ведь говорила, что принимает важного гостя?»

Проводив ласкового кроху, Сянская Дева Зеленых Вод облегченно вздохнула.

— Не думал, что столь могущественная демоница может быть столь нежна со своими чадами,
— донесся из темноты тихий смешок.

Сянская Дева опустила взор. Перед ней стоял статный демон в черных одеждах.

Еще до того, как Цзянсюэ вошел в пещеру, Дева Сян велела гостю скрыть свое присутствие — она явно не желала, чтобы сын знал, о чем идет речь.

— Я явилась на свет еще во времена Яо и Шуня. Для меня этот кроха, сколько бы ни прожил и как бы ни вырос, навсегда останется несмысленным дитятей.

Если бы не грозящая горе беда, она не отпустила бы Цзянсюэ так рано.

«По крайней мере, подождала бы, пока этот кролик станет хоть немного крупнее мыши!»

Впрочем, удерживать его бесконечно невозможно. Мир бескраен, а срок жизни смертных тварей поднебесной фантомно короток — не прожить её со всей страстью было бы глупо.

Сянская Дева Зеленых Вод едва заметно улыбнулась и перешла к делу:

— Спустя тысячу лет Дзен-мастер Иху вот-вот пробудится. Прошу Владыку Горных Источников вместе со всеми нами подсобить в запечатывании этого демона.

Владыка Горных Источников сложил ладони в приветственном жесте:

— Вы слишком добры. Еще пять тысяч лет назад я дал клятву: пока бьется мое сердце, я буду приходить и умирять Мастера.

Владыка Горных Источников чуть склонил голову, прислушиваясь к шорохам на горе.

В этот месяц старшие изгнали с горы всю незрелую молодежь. Ни один демон, не проживший хотя бы тысячу лет, не имел права оставаться здесь. О причинах старейшины, разумеется, молчали.

Дело было строжайшей тайной: чем меньше душ ведаёт о нём, тем лучше. В конце концов, тварей, желающих «освободить» Мастера, в мире хватало — пронюхай они хоть край уха, сбежались бы тучей.

Всего через пару дней эта гора Туло превратится в обитель высших демонов и место смертельной опасности.

Раз в тысячелетие приходит эта беда... И с каждым разом Дзен-мастер беснуется все люте.

С вершины горы внезапно донесся глухой, раскатистый барабанный бой, слившийся с шумом налетевшего ливня. От этого звука тревожно сжалось сердце.

— Запечатать гору!

Стоило прозвучать повелению, как обычно шумная гора демонов погрузилась в мертвенное безмолвие.

Молодые зеленые деревья от самых корней начали наливать кроваво-алым цветом. От сочных лугов до неприступных утесов всё заволочла зловещая черная дымка, испещренная золотыми рунами. Если глянуть с небес, гора Туло походила на отсеченную лисью голову, источающую беспредельную ярость, которую не сгладят и десятки тысяч лет.

<http://bllate.org/book/20471/2105809>